



Московская Епархия, Богородское благочиние,
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №9

Март 2019 года

СЛОВО В НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ (О СТРАШНОМ СУДЕ)

Если в толпе кто-либо крикнет: «Пожар!», не все ли тотчас потеряют спокойствие и равновесие духа, начнут искать выхода, а если выход не обеспечен, то не приходят ли в ужас, заставляющий забыть все остальное и искать только одного спасения жизни? Но вот святая Церковь вопиет: «Суд при дверях! Огонь геенны уже возгорелся во многих душах!» А люди слышат то почти равнодушно, и никто не трогается почти, чтобы предпринять хотя нечто для спасения погибающей души. Если и во сне человек увидит пламя страшного пожара, то не проснется ли от ужаса? Церковь же живописует в уме людей Страшный Суд и пламя геенны всеми чертами, способными возбудить от духовного сна, но люди никакими описаниями не трогаются и беспечно продолжают оставаться в духовном сне часто до самого конца жизни.



Почему же так человек нерадит о гнущей душе своей? Очевидно, оттого что не верит всему, что святая Церковь устами Самого Христа и апостолов возвещает о Страшном Суде и геенне. Человеку думается, что будет как-нибудь иначе и ужасы геенские минуют его: ведь живут все так, как и он, и не проникнуты особыми страхами. Подлинно, ничем в данном своем рассуждении не отличается человек от глупой овцы стада, которая следует за всем стадом, идет туда, куда все, и почувствует ужас, когда сама увидит воочию приблизившуюся гибель. Человеку кажется, что ужасы геенны как-нибудь минуют его. Почему же? Не укажет ли он только на бессмысленное «авось», которым всегда и в житейских делах хочет оправдать свою беспечность, нерадение и лень? Беспечность - плод неверия в вечные муки. Если бы жива была вера в муки вечные, если бы человек знал, что муки неизбежны, как неизбежно сгореть человеку, не отходящему от близкого огня, то неужели не стал бы он остерегаться? *«Помни последняя твоя, и во веки не согресишь»* - на нем сбывались бы эти слова Премудрого.

Люди не веруют в вечные мучения или веруют, но думают, что все не так страшно будет, как говорится в Евангелии. Почему же? Разве не может быть вечных мук? Разве невозможно допустить эти муки? Ведь муки вечные начинаются уже на земле, человек носит их в сердце, еще не перешедши в жизнь загробную. Неверующие в вечные муки пусть скажут, кто из них не мучится никогда, живя на земле? Кто проводит дни свои вполне счастливо, довольно и беспечально? Ведь счастье - редкий цветок, который напрасно ищут целую жизнь люди и не находят того, чего желали. Если и найдут, то как скоро цветок увядает. Как самая пламенная страсть скоро блекнет, пресыщает человека, и он ищет удовлетворить ее иначе. Даже самые сильные радости, наполняющие душу восторженным блаженством, как, например, счастливая любовь, - как она скоро блекнет! Сколько, кроме того, ведет за собою мук, когда на пути стоят препятствия. Сколько мук от ревности, от разных подозрений, из-за опасения потерять то, что дорого.

Люди как будто так часто жизнерадостны, смеются, веселятся всячески, но кто из этих веселящихся не томится по временам ощущением душевной пустоты, ничем не наполнимой, чувством разочарования, недовольства, томительной, убийственной скуки. Если счастливые не считают часов, то как скучно течет время для многих и для всякого почти во многие дни и годы его жизни. Как хочется ему «убить» это мучительное для него время! Кого не гложет тоска? Кто не чувствует никогда, что чего-то недостает его жизни? И эта тоска или ощущение недостатка чего-то нужного, при всем видимом счастье, разве не омрачает счастья жизни? Разве зародыш томимой муки в душе не есть зачаток муки вечной? А что сказать про муки совести? Кто их не испытывал? Ведь всякое дело, противное совести, оставляет в душе горький осадок, расстройство, тревогу, муку! А сколько таких тревог ежедневно? Сколько их накопится в течение целой жизни?

Во всякой радости человеческой заметен уже для внимательного взора отблеск слез, ощущается дыхание печали, скорби и муки, если человек с совестью своей мало считается и об евангельских велениях не размышляет. Наоборот, посмотрите на истинного христианина, как он, несмотря на великие лишения, однако, светлел лицом и настроением духа, как он не впадает никогда в беспросветное уныние, во всем находит источник примирения. В его слезах уже заметен отблеск высшей неземной, вечной радости. Счастье человека грешника - красивое яблоко с изъеденной внутри сердцевиной; печали праведника - небольшая царапина на коже этого яблока при здоровой сердцевине; счастье первого, при видимой постоянной радости, подтачивается непрестанно червем мучающей его совести; второй терпит в мире скорби, но безвредные для самого сердца, носящего в себе зародыш жизни вечной.

И такие тревоги и муки совести грешника ничем неутолимы. Пусть многие тревоги тотчас почти улегаются, как пробегающие по морю волны, но это не значит, что они пропали бесследно, как и волна

потом является в другом месте. Ведь и расстройства здоровья телесного не пропадают бесследно, но, улекаясь на время, постепенно копятся и порождают, наконец, общее расстройство здоровья, болезнь и самую смерть. Ведь если бы не было расстройств, то что мешало бы человеку жить вечно? Так и в душе никакие тревоги не исчезают бесследно! И сколько же их накопится, когда произведут они общее расстройство в жизни души! Какая тогда создается в душе мука! Подлинно, что человек посеет, то и пожнет. Он в самом себе, в самых делах своих носит муку, *суд себе яст и пьет*, по слову святого апостола (1 Кор. 11, 29), живя *«недостойно»*.

В душе ничто не пропадает бесследно, даже то, что она восприняла почти бессознательно, - например, так влияет на нас окружающая среда, люди и обстановка. Быть может, вся жизнь иных людей слагается под влиянием этой среды. И если постоянно принимает человек в душу мысли соблазнительные, а мысли порождают в душе чувства, желания и дела, с совестью несогласные, то сколько же накопится таких худых следов в душе, которые человек воспринимал ежедневно, ежечасно, ежеминутно в долгие годы своей жизни? Ведь каждым своим поступком и помышлением тайным человек чертит, создает как бы свой будущий образ подобно тому, как живописец или фотограф, и если этот образ пока еще темен, непроявлен, то он будет некогда проявлен, подобно фотографическому образу, Господом на Страшном Суде, когда *Господь во свете приведет тайная тмы и объявит советы сердечная* (1 Кор. 4,5).

Подлинно, червь *«неумирающий»*, *«неусыпающий»*, о котором говорит Господь, не есть какое-либо изобретение ума человеческого; этот червь зарождается и растет в муках совести еще во время земной жизни. Ведь так много самоубийц! Не потому ли они покончили с собой, что не могли снести начавшихся нестерпимых, неутолимых мук совести, мук разбитого счастья, мук от обманутых надежд, разрушения желательного строя жизни? И геенна - не призрак; ведь огонь страсти, заключающий в себе муку, уже и есть начало огня геенского, который будет гореть и не угасать, если человек не позаботится во время земной жизни угасить его.

Вот почему святые так старались помнить всегда о суде и геенне огненной, как, например, преподобный Ефрем Сирин, который, *«час присно провидя суда, рыдал еси горько»*. Вот почему предки наши так держали всегда в памяти Страшный Суд: с изображения на картине и в слове при князе Владимире начали обращение к христианству; с памятью о Страшном Суде выходили всегда из храма, над входом в который изображали Страшный Суд, оживляли память о нем картинами на стенах домов, духовными стихами и т. д.

И наоборот, ослабевая в памятовании Страшного Суда, как стали позднейшие потомки забывать и заветы Христа! Они более помнят то, что их занимает, что приятнее. О Страшном Суде они забывают, потому что память о нем могла бы разрушить радости жизни земной, забывают, думая, что до суда еще далеко и время его неопределенно. Как люди не заботятся о землетрясении, которое наступит еще, как они думают, не скоро и в неопределенный срок, так не беспокоятся и о приближении Суда, неверие же укрепляет в состоянии такой беспечности. Как люди пред потопом всемирным не хотели верить проповеди Ноя, так и ныне люди пребывают в беспечном неверии, тем более что наука века сего внушает нередко, будто и всемирный потоп, и огонь вечный - пустые сказки. Как, думают иногда они, может быть Суд столь страшным, если Судьею будет Христос, исполненный столь великой любви к людям, кротости и всепрощения? Но ведь эта-то кротость именно и усилит страх Суда. Если грешники, на земле живя, так боятся праведника, так стараются обойти его и не встретиться с ним, то как встретятся лицом к лицу со Христом, кротким безгрешным Праведником, помня все дела свои, какими каждый день Его прогневляли? Ведь кроткий лик Христа будет чистейшим зеркалом, в котором особенно ясно отразится вся нечистота и неправда их жизни! И хотя бы лик Господа оставался неизменно кротким, не соберет ли именно эта кротость *«горящие уголья»* на головы грешников (Притч. 25, 22; Рим. 12, 20)? Горе тем, у кого эти уголья не возжгут в сердцах пламенного раскаяния во время земной жизни, у кого вследствие окаменения сердечного обратятся в пламя неугасающее геенны огненной!

Как же нужно и нам неослабнее хранить память о последнем Страшном Суде Христовом и муках геенны огненной! Как нужно, живя на земле, плакать и радоваться совсем не о том, о чем обычно мы плачем и радуемся, заменять бесполезные печали века сего скорбью, полезной для души в ее жизни вечной, радостям суетным, мимолетным предпочитать радости во Христе нескончаемые! Как нужно вслед за святой Церковью, из глубины сердца воздыхая, молиться: *«Молитву пролию ко Господу и Тому возведу печали моя, яко зол душа моя исполнися, и живот мой аду приближися!»*, или словами песни нынешнего праздника: *«Увы мне, мрачная душа! Доколе от злых не отречеаешия? Доколе унынием слезиши?.. Что не трепещеши вся страшнаго судища Спасова?»*, и еще: *«Помышляю день страшный и плачуся деяний моих лукавых, како обещаю безсмертному Царю? Коим же дерзновением воззрю на Судию блудный аз? Благоутробный Отче, Сыне Единородный, Душе Святой, помилуй мя!»* Аминь.

Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской

Использованы материалы Православие.ру

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)

Технический редактор: священник Сергей Макаров

Верстка: Ирина Тимошина